

fixieren, bringen es mit sich, dass die verschiedenen philosophischen Lehren auch von grundsätzlich verschiedenen Problemstellungen ausgehen»¹⁾.

Но будучи различными по своему содержанию, всё философскія системы имѣють нѣчто общее, а именно: *схватываніе міра въ его цѣлокупности и единствѣ*. «Man kann den Philosophen vielleicht als denjenigen bezeichnen, der das aufnehmende und reagierende Organ für die Ganzheit des Seins hat» (можетъ-быть, можно философомъ назвать того, кто имѣетъ воспринимающій и реагирующій органъ для *цѣлостности бытія?*), говоритъ Зиммель. Всякій человекъ всегда къ чему-нибудь стремится: къ обезпеченію ли себя хлѣбомъ, или къ церковной догмѣ и т. д., философъ же (что бы онъ ни изучалъ), какъ философъ—онъ всегда хочетъ схватить цѣлокупность міра, дать его синтезъ, для чего онъ «имѣетъ особое чувство для воспріятія *цѣлостности* вещей и жизни и способность переводить это внутреннее созерцаніе или это чувство *цѣлостности* въ понятія и ихъ соединенія»²⁾. Исторія философіи вполнѣ подтверждаетъ это опредѣленіе. Каждый философъ, какъ философъ, стремится именно къ этому охватыванію единства и цѣлокупности вещей. Это единство видѣли: то въ матеріи (Демокритъ), то въ идеѣ (Платонъ), то въ духѣ (Гегель), то въ волѣ (Шопенгауэръ) и т. д.

Это схватываніе цѣлокупности міра, одинаго въ многообразіи, возможно двумя путями: или, *исходя изъ внѣшняю одинаю абсолюта, мы сведемъ весь міръ къ этому абсолюту и введемъ его въ душу, или же, исходя изъ глубины нашего «я», построимъ весь міръ изъ него*. Первый путь—путь мистики³⁾, второй путь—путь соллипсизма и кантіанства («Весь міръ—мое представленіе», или «Весь міръ—содержаніе моего сознанія»).

1) Ibid. 10.

2) Ibid. 12.

3) Сущность вещей—Богъ, всякая вещь есть обнаруженіе Бога, мое «я»—тоже реализовавшееся во мнѣ Божество. Отсюда—возможно познаніе міра и Бога, ибо міръ, Богъ и «я»—одно и то же...